

в ночь на 1 ноября 1937 г. в числе других гомельских священников, проходивших по «делу церковников». В 1920-е гг. о. Петр служил в Свято-Никольской (Полесской) церкви г. Гомеля. Официально примкнув к обновленцам, он, однако, себя идейным сторонником «Живой церкви» не считал. Борьба же за возвращение гомельских приходов в патриаршую церковь нередко оборачивалась борьбой честолубий. Вот как описывает события 1924 года о. Петр: «Гомельское духовенство, убедившись с одной стороны, что обновленчество пошло по сектантскому пути, с другой, будучи побуждаемо верующими, решило оставить обновленчество и воссоединиться с патриархом Тихоном. Кто был инициатором воссоединения – не знаю. Может быть о. А. Зыков, который был идеологом обновленчества на Гомельщине и вообще в Могилевщине, может кто другой, но факт, что сдвиг был сделан. Среди духовенства разговоры о воссоединении были, но от меня это держалось в тайне. Только через некоторое время я узнаю от своих прихожан, что воссоединение гомельских приходов во главе со своим духовенством уже свершившийся факт, и что протоиерей С. Романкевич назначен уполномоченным по воссоединению. Поведение духовенства, ни словом не обмолвившегося со мною, меня возмутило. Через две недели или несколько позже после воссоединения гомельских пастырей подаю Романкевичу свое заявление о принятии меня и моего прихода в молитвенно-каноническое общение. Романкевич находит, что для меня недостаточно одного заявления, ему хочется моего унижения. Заявляю ему, что я обойдусь и без его посредства» [2, л. 72-73].

В апреле 1925 г. в Гомель прибыл новый епископ Тихон (Шарапов), посланный патриархом Тихоном для борьбы с обновленчеством. Вскоре в Москву от гомельских органов власти в ОГПУ поступило следующее секретное донесение: «...епископ Тихон своими действиями окончательно ликвидирует оставшиеся еще в Гомельской губернии обновленческие приходы, каковых еще имеется до 25 по губернии. Так как в каждом обновленческом приходе есть некоторая часть мирян, стоящих за тихоновщину и стоит епископу Тихону появиться – через часа 2-3, он уже повел за собой остальных мирян, которые заставляют попа повиноваться епископу Тихону, в противном случае отлучают от церкви. В случае замедления ответа будем принуждены прибегнуть к аресту его...» [Косик, с. 59]. В протоколе совещания АПО Гомельского губкома по вопросам антирелигиозной пропаганды от 23 января 1926 г. отмечалось, что своей антиобновленческой деятельностью епископ Тихон восстановил против себя часть духовенства, но укрепил свой авторитет в глазах верующих [6, л. 75].

О. Петр Рылло неоднозначно оценивал действия епископа Тихона (Шарапова), называя его «жестоким монахом» [2, л. 76]. У о. Петра несчастливо сложилась семейная жизнь. Жена неоднократно писала на своего мужа-священника доносы, в том числе и на имя епископа Тихона (Шарапова). Архиерей, не разобравшись в сути конфликта супругов, только на основании личного предубеждения запретил на время в служении о. Петра. Честь священника была восстановлена благодаря прихожанам Полесской церкви и компромиссу: о. Петр вынужден был исповедаться у о. Павла Левашева (один из немногих гомельских священников, не уклонившийся в обновленчество) и принести публичное покаяние на второй день Пасхи 1925 г. [2, л. 74-76].

В итоге обновленчество деградировало как модернистский проект радикально настроенного духовенства и провалилось как провокационный проект ОГПУ. Единство РПЦ удалось сохранить, хотя и ценой огромных потерь в условиях беспрецедентных репрессий в отношении духовенства и верующих. Нередко в одной расстрельной яме оказывались и те, кто уклонялся в обновленчество, и те, кто боролся с расколом, и те, кто не признавал власть митрополита Сергия (Страгородского), и те, кто отрекся от священнического сана, как это было в Гомеле в ночь на 1 ноября 1937 г.

Литература:

1. Дело по обвинению Жудро Ф.В. в участии в Стрекопытовском мятеже. 7 октября 1919 – 25 октября 1919 // Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Ф.100. – Оп. 1. – Д. 598.
2. Дневник о. Петра Рылло (рукопись) // Личный архив протоиерея Гомельской епархии Александра Лопушанского.
3. Косик, О.В. Голоса из России: Очерки истории сбора и передачи за границу информации о положении Церкви в СССР (1920-е – начало 1930-х годов) / О.В. Косик. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2011. – 280 с.
4. Навіцкі, У.І. Палітыка расколу рускай праваслаўнай царквы ў Беларусі (1920-я гг.). // Беларускі гістарычны часопіс. – 2003. – № 2. – С. 40-48.
5. Навіцкі, У.І. Палітыка расколу рускай праваслаўнай царквы ў Беларусі (1920-я гг.). // Беларускі гістарычны часопіс. – 2003. – № 3. – С. 18-24.
6. Переписка укома ВКП(б) с партийными и советскими органами. 1925-1926 // ГАООГО. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 818.
7. Слесарев, А.В. Мартиролог Гомельской епархии (1917 – 1953): биографический справочник / авт.-сост. А.В. Слесарев. – Жировичи: Издательство Минской духовной академии, 2017. – 339 с.
8. Циркуляр ЦК, губкома об антирелигиозной пропаганде. 1923 // ГАООГО. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 338.
9. Шаламов, В.Т. Четвертая Вологда // Шаламов, В.Т. Колымские рассказы: повести, рассказы / Варлам Шаламов. – М.: Эксмо, 2010. – 656 с.
10. Шиленок, Дмитрий, священник. Из истории Православной Церкви в Белоруссии (1922 – 1939): («Обновленческий» раскол в Белоруссии) / священник Дмитрий Шиленок. – М.: Издательство Крутицкого подворья, 2006. – 217 с.

КАЛИНИНА А. С.

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ КАФЕДРЫ РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ ИНСТИТУТА ТЕОЛОГИИ ИМ. СВВ. МЕФОДИЯ И КИРИЛЛА БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

МАССОВЫЕ РЕПРЕССИИ 1937-1938 ГГ. В ЖИЗНИ ПРАВОСЛАВНОГО НАСЕЛЕНИЯ БССР

Тему массовых репрессий 1937–1938 гг. в жизни рядовых верующих БССР – так называемого «Большого террора» – нельзя обойти не только в связи с трагическим характером этого явления в целом, но и потому, что верующие подвергались преследованиям именно за свою церковную деятельность, попытки организации

и участия в церковно-приходской жизни. Кроме того, религиозная активность верующих в определенной степени явилась причиной ужесточения репрессивной политики советского государства, а последствия репрессий, в свою очередь, оказали негативное влияние на церковную жизнь православных верующих, в значительной мере способствовали ее разрушению, начиная от закрытия храма и заканчивая физическим уничтожением наиболее активных и последовательных православных христиан.

Период массовых репрессий, когда «террор сделался поистине Большим» [12, с. 15], начинается с приведения в исполнение с 5 августа 1937 г. секретного оперативного приказа НКВД №00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» от 30 июля 1937 г. – так называемой «кулацкой операции» [2, с. 98–114; 1, с. 51–52]. Во вступительной части документа утверждалось, что «в деревне осело значительное количество бывших кулаков, ранее репрессированных... Осело много, в прошлом репрессированных церковников (под которыми подразумевались как священнослужители, так и рядовые прихожане – прим. автора) и сектантов, бывших активных участников антисоветских вооруженных выступлений», которые «являются главными зачинщиками всякого рода антисоветских и диверсионных выступлений», в связи с чем необходимо было «разгромить всю эту банду антисоветских элементов», начав «операцию по репрессированию бывших кулаков, активных антисоветских элементов и уголовников» [2, с. 98, 100]. Конкретно о репрессиях по отношению к верующим («наиболее активным антисоветским элементам из церковников и сектантов») говорилось в п. 6 раздела 1 настоящего приказа [1, с. 51; 2, с. 104]. Кроме того, все репрессируемые, согласно разделу 2, п. 1 данного приказа, делились на две категории: к первой категории были отнесены «наиболее враждебные из перечисленных выше элементов», которые подлежали высшей мере наказания – расстрелу; «менее активные, но все же враждебные элементы» из второй группы подвергались заключению в лагерь на 8–10 лет [2, с. 105]. В ходе «кулацкой операции», согласно официальным данным, в СССР было осуждено 767 397 человек, из них расстреляно 386 798 [13, с. 305]. Кроме того, параллельно с «кулацкой операцией» на основании ряда приказов НКВД были инспирированы так называемые «национальные операции» («польская», «немецкая» и т. д.), в ходе которых только в БССР было арестовано и осуждено 22 978 человек [1, с. 55–57]. 17 ноября 1938 г. директивой СНК и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» [2, с. 426–429] «кулацкая» и «национальная операции» были официально завершены.

Исследуя причины применения оперативного приказа НКВД №00447 к верующим, необходимо отметить, что выбор властью курса на физическое уничтожение наиболее активных «церковников и сектантов» оказался связан с такими мероприятиями общегосударственного значения, как всесоюзная перепись населения, проводившаяся в январе 1937 г., и выборы в Верховный Совет СССР, которые состоялись 12 декабря того же года. На активность верующих при участии в переписи и подготовке к выборам в свою очередь повлияло принятие Конституции 1936 г. Участие православного населения в вышеуказанных политических мероприятиях в одних случаях отражало политические взгляды и отношение «верующей массы» к советскому строю, в других – имело конечной целью восстановление церковной жизни. Как перепись, так и выборы стали своеобразными индикаторами, которые выявили наиболее активных «церковников», подвергшихся впоследствии репрессиям. В связи с этим представляется важным более подробно рассмотреть реакцию верующих на данные события.

В историографии истории переписи 1937 г. существует гипотеза, что пункт № 5 «о религии» в список вопросов переписного листа был добавлен лично И.В. Сталиным в ходе редактирования списка [3, с. 17]. Однако официально выяснение позиции населения по отношению к Богу и религии не являлось первостепенной целью переписи. Тем не менее, основной вопрос, волновавший население, что неоднократно фиксировали авторы спецсводок и спецсообщений «Об отрицательных настроениях населения в связи с переписью», был «главным образом, о пункте – верующий или неверующий» [7, л. 7]. В ходе анализа указанных спецсводок и спецсообщений была сделана попытка разделить верующих на 4 различные группы в зависимости от их отношения к переписи и руководящих мотивов, при этом в целом реакция населения на пункт №5 была достаточно противоречивой.

Настроения первой группы верующих носили апокалиптический характер: советская власть воспринималась ими как «власть антихристова», а перепись населения представлялась процессом наложения «печати антихриста». «Перепись – это дьявольское дело, кто будет подвергаться переписи, того будут клеймить, а поэтому когда начнется перепись, нужно всем на это время спрятаться, где кто может», «Переучет населения – это перед концом света, смущают верующих. Переписи населения во что бы то ни стало нужно избежать» [6, л. 9], «Кто даст о себе сведения, того пропечатают» [7, л. 11] – таковы наиболее типичные ответы данного контингента верующих. Положение осложнялось тем, что перепись была назначена на канун Рождества Христова – 6 января, и подобный откровенный вопрос о вере со стороны «безбожной» власти представлялся многим верующим окончательным выбором между Богом и дьяволом «в конце времен». Даже само участие в переписи воспринималось как отступление от веры. Следствием данной мировоззренческой позиции стали демонстративные отказы со стороны верующих давать о себе какие бы то ни было сведения в ходе переписи практически в каждом районе БССР¹⁷⁶.

Отрицательное отношение к переписи другой группы было вызвано страхом перед репрессиями. В качестве наглядного примера можно привести следующие высказывания: «В Толочинском районе бывший работник НГУ сообщает, что ей пришлось иметь беседу о переписи с приходящей к ней на дом работницей и еще некоторыми гражданами. Всех их беспокоит вопрос о религии. Спрашивают, зачем то надо знать. Одна из них говорит, «всех верующих переписут, а потом вышлют в одно место, живите, мол, там себе». Другая говорит, что она верующая, «а разве можно в том признаться, нет, страшно» [7, л. 22]. В подобной ситуации

¹⁷⁶ Самый известный случай религиозно обоснованного отказа от участия в переписи 1937 г. – деятельность на территории Лельского района БССР группы крестьян-«молчальников» – представлен в статье И.Н. Романовой «Кляйменне Чырвонага Дракона» [10, с. 246–261].

верующему человеку также легче было отказаться от участия в переписи, чем поступаться своей совестью и «записываться неверующим».

Третья группа верующих не только не сопротивлялась переписи, но с готовностью давала о себе сведения как о верующих и агитировала не скрывать своей религиозной принадлежности. Причина подобного поведения кроется в том, что верующие данной группы находились под влиянием Конституции 1936 г. и с доверием относились к «мероприятиям советской власти», полагая, что «если запишешься верующим, отдадут церкви или дадут построить новые» [7, л. 5].

Представители четвертой группы, приветствуя участие в переписи, руководствовались совершенно иными мотивами: они были уверены в скором падении советской власти, наступлении войны и приходе поляков, которые расправятся с неверующими, и поэтому считали, что «нужно организовать и во время переписи записываться верующими» [6, л. 9].

Несмотря на то, что обвинению в антисоветских настроениях в действительности подлежали только представители четвертой группы верующих, все без исключения «отрицательные настроения в связи с переписью населения» были восприняты властями как «антисоветская агитация» и «подрывная работа, чтобы не давать счетчикам сведения» [7, л. 12]. Власти не ставили целью разобраться в особенностях мотивации отдельных групп верующих, и мерой пресечения для подобных «контрреволюционеров» являлись аресты, ссылки либо расстрелы [4, с. 194–195].

Подобная ситуация складывалась также в период подготовки к выборам в депутаты Верховного Совета СССР, проходившей на протяжении всего 1937 г. Верующие отказывались голосовать за коммунистов, потому что «это не разрешается нашими религиозными чувствами», потому что «во время голосования будут клеймить людей цифрой 666», «мы бога избрали и больше избирать никого не будем», «надо молиться богу, а не ходить на выборы, на их агитацию поддаваться не надо, так как Советская власть существует временно» [8, л. 99–103]. В сознании верующих выборы стали продолжением переписи населения, участие в обоих мероприятиях представлялось покушением на религиозные чувства: «Раньше проводилась перепись населения, а теперь выборы. Они нас приведут к гибели, так как заставляют нас отказаться от своей веры» [8, л. 30].

Религиозные мотивы переплетались с политическими, когда верующие стремились голосовать за «заграничных правителей» или за «попов», которые, по их мнению, гораздо лучше защищали бы интересы верующих. Избрание в органы власти священнослужителей, право на которое, по представлениям верующих, им было гарантировано Сталинской конституцией, давало надежду прекратить в будущем дискриминацию по религиозному признаку, открыть храмы, возобновить церковную жизнь. Подобные настроения были распространены по всему СССР, и не только в среде православных, о чем подробно пишет Ф.Л. Сеницын [11, с. 87]. Проведя анализ религиозно-политической ситуации в стране за 1936–1937 гг., он приходит к следующему выводу: «Принимая во внимание высокую религиозность населения СССР, значительная часть духовенства имела высокие шансы быть избранной в депутаты советов различных уровней. Однако власть при помощи антидемократической системы выдвижения кандидатов, агрессивной антирелигиозной пропаганды и прямых репрессий не позволила священнослужителям и религиозным активистам реализовать свои конституционные права» [11, с. 89]. Политика властей на республиканском уровне совпала с общесоюзной, о чем свидетельствуют спецсообщения «О настроении населения перед выборами в Верховный Совет» за декабрь 1937 г. (самый разгар «Большого террора»), автором которых являлся нарком внутренних дел БССР Б.Д. Берман. Согласно данным документам, практически все лица, бойкотирующие выборы, распространяющие «контрреволюционные слухи» или агитирующие за «попов», подвергались арестам. Например, в Паричском районе (ныне – в Гомельской области) «участники контрреволюционной повстанческой группы церковников 7 человек во главе с попом И.М. Липлинским намечали выдвинуть в ВС своего кандидата – члена церковного совета», за что были арестованы [8, л. 9]; в д. Зенковичи (Узденский район Минского округа) бывший дьяк А. Кореневич арестован за «агитацию» следующего содержания: «Людей в ВС уже назначили, вот вам и тайное голосование. Настанет время, когда и попов будут избирать в советы» [8, л. 10]. Всего в трех сохранившихся спецсообщениях зафиксировано 24 случая ареста «церковника, сектанта, клерикала» по обвинению в «антисоветской деятельности» из 39 описанных случаев «контрреволюционной работы по срыву выборов в ВС СССР» [8, л. 1–12, 22–35, 93–110].

Следует напомнить, что применение мер «революционной законности» происходило и ранее. Однако основной мерой пресечения была ссылка, в то время как в ходе репрессий 1937–1938 гг. начинают интенсивно проводить в жизнь практику массовых расстрелов. Данным событиям в пределах Минской епархии посвящена работа протоиерея Федора Кривоноса [102], основанная на материале следственных дел архивов КГБ Республики Беларусь и представляющая собой практически единственное подробное свидетельство жесткой репрессивной политики государства в отношении православного духовенства и рядовых верующих БССР. Помимо этого, известны общие цифры арестованных и осужденных в 1937 – июне 1938 гг., которые приводит нарком внутренних дел БССР А.А. Наседкин в докладной записке «Об антисоветской деятельности церковников и сектантов в БССР», поданной в ЦК ВКП(б) 7 июля 1938 г., не уточняя при этом отдельно количества высланных и расстрелянных.

На основании немногочисленных данных из вышеупомянутых источников представляется возможным составить приблизительную картину массовых репрессий, которым подверглись православные верующие на территории БССР в 1937–1938 гг.

В отношении «церковников и сектантов» фабрикуется ряд дел, о чем свидетельствует вышеупомянутая секретная докладная записка, в которой А.А. Наседкин обвиняет руководителей церковных организаций в шпионаже в пользу германо-польской и японской разведок, в сговоре с «польским националистическим подпольем», эсерами и троцкистами, совместно с которыми проводилась «пропольская работа по подготовке

интервенции против СССР» [9, л. 57]. При этом была организована «целая сеть шпионско-повстанческих организаций и групп – кулаков, бывших пособников немецким и белопольским оккупантам, бывших людей и прочий антисоветский элемент» [9, л. 57].

Самым многочисленным по количеству арестованных (более 200 человек) стало дело «шпионско-контрреволюционной организации» «Белорусская православная автокефальная церковь» во главе с епископом Филаретом (Раменским). «Участники» обвинялись в «антиколхозной агитации» и в «проведении на практике унии с римско-католической церковью» [5, с. 178], а также в том, что организация «подготавливала выставление своего кандидата – попа Кульчицкого для избрания в депутаты Верховного Совета СССР» [9, л. 60]. 11 человек «руководства», в том числе и епископ Филарет, были расстреляны 1 ноября 1937 г.

Сообщалось также о ликвидации в Гомеле и Могилеве «шпионско-повстанческой организации староцерковников» во главе с архиепископом Досифеем (Степановым) «от обновленцев» и попом Левашевым «от староцерковников» под названием «Союз церковных деятелей». Эти «деятели» в 1932 г. якобы «установили контакт по антисоветской работе с одним из руководителей польской военной организации ксендзом Андрексом» с целью «координации действий по подготовке вооруженного восстания против Советской власти» [9, л. 61–62]. В Витебске была «ликвидирована контрреволюционная шпионско-повстанческая и диверсионная организация в составе 84 человек, во главе с архиепископом Добромысловым, попом Оглоблиным и др. и троцкистом директором тарного комбината Рябцевым» [9, л. 62]. Наконец, в марте 1938 г. «в Минске и районах БССР ликвидирована шпионско-повстанческая организация церковников, созданная японо-польским агентом митрополитом Блиновым» [9, л. 63]. Митрополит обвинялся в создании в БССР шпионско-повстанческой организации из более чем 100 человек «служителей религиозного культа, сектантов и кулаков», которая якобы осуществляла активную антисоветскую работу, готовила кадры «повстанцев» на случай интервенции Польши против СССР [9, л. 62]. Деятельности «организации Блинова» приписали также «массовые выступления, направленные на захват церквей, ранее изъятых и оборудованных под клубы, провоцируя верующих путем контрреволюционного толкования Сталинской конституции» [9, л. 66].

Оценивая результаты деятельности органов НКВД БССР, А.А. Наседкин указывал, что «несмотря на ликвидацию целого ряда шпионско-повстанческих организаций и групп церковников и сектантов ... продолжается антисоветская работа церковников. Выявлены новые антисоветские формирования, состоящие частично из неликвидированной низовки шпионско-повстанческих организаций и кулацко-церковного элемента» [9, л. 66]. На самом деле, к моменту составления цитируемой докладной записки на территории БССР функционировали только две церкви в г. Орше и Мозыре и «учтено 15 попов, из них 13 снявших сан» [9, л. 56].

В целом, А.А. Наседкин в докладе об итогах разгрома «антисоветского церковного подполья» указывает на 3247 арестованных и осужденных «церковников и сектантов, из них свыше 400 человек попов и монахов, 1 митрополит и 5 архиепископов» [9, л. 57]. При этом остается неразрешенным вопрос, включены ли в данное число 860 арестованных и осужденных сектантов, о которых автор упоминает ниже [9, л. 70]. Указанное число репрессированных является неточным и неполным также по причине того, что исполнение оперативного приказа №00447 было приостановлено только 6 месяцев спустя после доклада А.А. Наседкина. В доказательство продолжения репрессий в отношении «церковников» следует привести факт ареста 17 августа 1938 г. «по обвинению в связях с польской разведкой» бывшего псаломщика церкви Марии Магдалины г. Минска В.В. Терравского, расстрелянного 10 ноября 1938 г. по приговору Особой Тройки НКВД БССР [4, с. 220].

Протоиерей Федор Кривонос, перечисляя факты репрессий за 1937–1938 гг. в пределах Минской епархии, описывает судьбу 22 рядовых верующих, 17 из которых были расстреляны, 5 – осуждены на 10 лет лагерной ссылки [4, с. 195–220]. Практически все репрессированные являлись членами церковного актива (псаломщик, церковный староста, регент). В одних случаях верующие подвергались аресту вместе со священнослужителями как участники «контрреволюционной группы». Например, по «делу» «Белорусская православная автокефальная церковь» вместе с митрополитом Филаретом (Раменским) в Минске 28 июля 1937 г. было арестовано 12 человек, включая 5 мирян, 3 из которых были расстреляны 1 ноября 1937 г. [4, с. 203]. В других случаях проводили одиночные (вышеуказанный случай с псаломщиком В.В. Терравским) либо групповые аресты «церковников» отдельно от ареста священнослужителя. Так, вскоре после того как был задержан настоятель Свято-Андреевского храма г. Борисова, в тюремное заключение попали 7 человек церковного актива по обвинению в «содержании церкви г. Борисова и материальном поддержании ее настоятеля». 14 февраля 1938 г. всех расстреляли [4, с. 214].

Последний пример представляет собой типичный случай реализации на практике оперативного приказа №00447. Согласно данным следственного дела №10–397 Центрального архива КГБ БССР, «дело на эту церковную группу возникло на основании того, что все они находились... на учете в РО НКВД» [4, с. 214–215]. Предписание о взятии на учет «враждебных элементов» содержалось в директиве Н.И. Ежова, которая была разослана во все краевые и областные управления НКВД 3 июля 1937 г. Данная директива также включала требования через 5 дней предоставить в центральные органы НКВД «количество лиц первой и второй категории» (подлежащих, соответственно, расстрелу или ссылке). В дальнейшем взятых на учет лиц постепенно репрессировали, причем лимиты на аресты несколько раз повышались как по приказу из «центра», так и местными управлениями НКВД [2, с. 141]. То есть лишение свободы и приговор к расстрелу в случае с церковно-приходским советом Свято-Андреевской церкви г. Борисова был предопределен заранее попаданием церковных активистов в списки «антисоветских элементов», составлявшихся органами госбезопасности.

Таким образом, политика массовых репрессий 1937–1938 гг., основанных на приказе НКВД 00447 от 30 июля 1937 г., оказала самое разрушительное влияние на состояние церковной жизни православного населения БССР как в связи с разгромом организационной структуры православной церкви (начиная с ликвидации церковно-приходских советов как исполнительных органов религиозных обществ и изъятия

храмов и заканчивая упразднением епархий через аресты церковной иерархии), так и по причине физического устранения духовенства и наиболее активной части верующих – членов приходских советов, псаломщиков, регентов, церковных старост, осуществлявших основную работу по сохранению и поддержанию церковной жизни в данной местности.

Причинами репрессий применительно к духовенству и рядовым верующим следует считать вызванное принятием советской Конституции 1936 г. усиление гражданской и религиозной активности населения во второй половине 1936 – первой половине 1937 гг., проявившееся в ходе проведения всесоюзной переписи и подготовки к выборам в Верховный Совет СССР в 1937 г. Результаты переписи показали недопустимо высокий для государства с главенством атеистической идеологии процент верующих в СССР и выявили готовность населения бороться не только за свои религиозные, но и гражданские права (например, посредством выдвижения своих кандидатов в депутаты ВС СССР). Участие в переписи стало также своеобразным маркером отрицательного отношения к советской власти у определенной части верующих, с одной стороны, воспринимавших ее как «власть антихриста» и уходивших в сознательную изоляцию от советской действительности, а с другой стороны, готовых поддержать возможную перемену власти в стране.

Литература:

1. Адамушка, Ул. Палітычныя рэпрэсіі 20–50-х гадоў на Беларусі / Ул. Адамушка. – Мінск : Беларусь, 1994. – 158 с.
2. Вертикаль большого террора. История операции по приказу НКВД №00447 / М. Юнге, Г. Бордюгов, Р. Биннер. – Москва : Новый Хронограф, АИРО-XXI, 2008. – 784 с.
3. Всесоюзная перепись населения 1937 г.: Общие итоги. Сборник документов и материалов / Сост. В.Б. Жиромская, Ю.А. Поляков. – Москва : РОССПЭН, 2007. – 320 с.
4. Кривонос, Ф. У Бога мертвых нет. Неизвестные страницы из истории Минской епархии (1917–1939 годы) / Священник Федор Кривонос. – Минск : МФЦП, 2007. – 240 с.
5. Навіцкі, УІ. Змена канфесіянальнай палітыкі дзяржавы ў 20–30-я гг. ХХ ст. / УІ. Навіцкі // Канфесіі на Беларусі (к. XVIII – ХХ ст.) / В.В. Грыгор'ева [і інш.]; навук. рэд. УІ. Навіцкі. – Мінск : ВП Экаперспектыва, 1998. – С. 155–234.
6. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 4п. – Оп.1. – Д.12035.
7. НАРБ. – Фонд 4п. – Оп.1. – Д.12036.
8. НАРБ. – Фонд 4п. – Оп.1. – Д.12059.
9. НАРБ. – Фонд 4п. – Оп.1. – Д.13219.
10. Раманава, І.М. Кляймоны Чырвонага дракона. Усесаюзна перапіс насельніцтва 1937 года і яго трактоўка ў сялянскім дыскурсе / І.М. Раманава // АРСНЕ. – 2012. – №3. – С. 246–261.
11. Синицын, Ф.Л. Конституционные принципы свободы совести и всеобщего избирательного права в СССР: попытка реализации и противодействие (1936–1939 гг.) / Ф.Л. Синицын. – Российская история. – 2010. – № 1. – С. 81–92. 264
12. Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа №00447 / сост. : М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер. – Москва : РОССПЭН ; Германский исторический институт в Москве, 2009. – 927 с. 274
13. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы : в 5 т. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинена, Л. Виолы. – Москва : РОССПЭН, 2000–2006. – Т. 5 : 1937–1939. Кн. 2 : 1938–1939 / сост. : В. Данилов [и др.]. – 2006. – 704 с. 280

МАНДРИК С. В.

МАГИСТР ГУМАНИТАРНЫХ НАУК, СТАРШИЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЬ КАФЕДРЫ
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
АГРАРНОГО ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГОРАНСКИЙ А. О.

МАГИСТР ГУМАНИТАРНЫХ НАУК, ЗАВЕДУЮЩИЙ ОТДЕЛЕНИЕМ КАТЕХИЗАТОРОВ
Минского духовного училища

ФОРМУЛИРОВАНИЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВ ОТНОШЕНИЯ К РЕЛИГИИ ВО ВРЕМЯ ХРУЩЕВСКОЙ АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ КАМПАНИИ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ОФИЦИАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТАХ КПСС И СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Период 1958–1964 гг. исследователи церковной истории справедливо называют «хрущевскими гонениями» на Церковь. Дискриминационная политика в отношении Православной Церкви в это время не была спонтанной, но подчинялась в первую очередь определенным идеологическим установкам. В данной статье мы попытаемся определить, как эти идеологические установки формулировались в официальных документах КПСС и Советского правительства и каким практическим мерам приводила публикация этих документов.

Первым идеологическим фактором, имевшим прямое отношение к изменению политики по отношению к Церкви стала борьба Н. Хрущёва за власть. На фоне разоблачения культа личности Сталина и провозглашённого коллективного руководства страной, Н. Хрущёв постепенно отодвинул от власти конкурентов [1, с. 154]. Именно «сталинисты»: В. Молотов, К. Ворошилов, Г. Маленков были сторонниками продолжения «взвешенного» курса по отношению к Русской Православной Церкви. Их устранение из партийного руководства в июне 1957 г. привело к власти сторонников жесткой антицерковной политики. Сталинская политика по отношению к Церкви характеризовалась как неоправданно «примирительная». Под лозунгом восстановления ленинской законности и борьбы со сталинизмом прежний курс «нормализации контактов между институтами церкви и государством» отбрасывался и обличался как проявление сталинизма.

Первым свидетельством изменения прагматичной церковной политики стала антирелигиозная кампания 1954 г., хронологически ограниченная постановлениями ЦК КПСС от 07.07.1954 «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения», которое фактически предлагало развернуть новую кампанию борьбы с религией, и от 10.11.1954 «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды